

После того как прибывшие по вызову полицейские провели воспитательную беседу, инцидент был исчерпан. Чжоу Ши попрощался с ними и на велосипеде отправился домой.

Вернувшись, он застал отца за редким занятием: Чжоу Чжимин не пил и не предавался унынию. Он сидел на диване в гостиной и с улыбкой разговаривал по телефону. Выражение его лица было вполне довольным, и, заметив вошедшего сына, он даже не стал злиться и швырять в него первое, что попало под руку.

Когда Чжоу Ши проходил через гостиную в свою комнату, он почувствовал на спине тяжелый, изучающий взгляд отца. Тот явно обдумывал что-то, связанное с ним. Чжоу Ши не придавал значения этому странному вниманию — он придерживался принципа: придет беда — будем решать по мере поступления, и не верил, что отец действительно способен причинить ему какой-то серьезный вред.

На следующее утро, зайдя в магазин за завтраком, Чжоу Ши случайно увидел заголовок в разделе социальных новостей: Мужчина пытался спрыгнуть с эстакады, глухонемой юноша спас жизнь человеку. Рядом красовалась фотография: он сам, наполовину свесившись с моста, намертво вцепился в запястье Гао Юлиня.

Из любопытства Чжоу Ши купил газету. Прочитав статью, он обнаружил, что она написана в духе захватывающего художественного рассказа. О самом происшествии было сказано вскользь — почти весь текст был посвящен воспеванию благородства и мужества этого самого глухонемого юноши. Если бы этим юношей не был он сам, Чжоу Ши почти поверил бы, что этот сияющий святостью герой существует на самом деле.

Он взглянул на подпись автора и обнаружил имя Ло Шэнцзе. Чжоу Ши был с ним знаком: тот работал в Тайваньском агентстве новостей Эпоха, где когда-то трудился и Чжоу Чжимин. Ло проходил там стажировку под руководством отца, они неплохо ладили, и Чжоу Ши даже доводилось ужинать с ним в старом доме. Он не знал, была ли эта статья, превратившая его в святого, написана по указке отца.

Вернувшись из школы, у своего обшарпанного жилого дома Чжоу Ши обнаружил с десяток репортеров и фотографов. В центре толпы, давая интервью, стоял Чжоу Чжимин в старой, пожелтевшей белой футболке. Прямо перед ним, в черных очках и черно-белой клетчатой рубашке, стоял тот самый Ло Шэнцзе, чью статью Чжоу Ши читал утром.

Прислушавшись, Чжоу Ши уловил суть: Чжоу Чжимин жаловался на то, как тяжело ему, отцу-одинокке, растить ребенка-инвалида, как он старался работать, несмотря на трудности, и как сильно винит себя в том, что из-за потери работы теперь заставляет сына страдать. Он не только создавал образ великого отца, но и намекал журналистам, что его прежние нарушения — взяточничество — были вынужденной мерой. Его целью было через объективы камер показать бывшему работодателю, в каком бедственном положении он оказался. Это был своего рода завуалированный моральный шантаж.

Чжоу Ши как раз размышлял, где отец раздобыл эту старую футболку и какую роль в его плане

играет Ло Шэнцзе, когда окруженный прессой Чжоу Чжимин внезапно поднял глаза и увидел его:

— Сяо Ши! Ты вернулся!

После этого эмоционального возгласа все камеры устремились на Чжоу Ши.

На лице Чжоу Чжимина появилось выражение нежности, какого сын никогда прежде не видел. Это была игра, но даже голос отца звучал так, будто он захлебывался от любви. Когда вспышки камер зачастили, Чжоу Ши показалось, что отец смотрит на него с такой теплотой, будто он — новорожденный младенец. Он выглядел как любящий отец, и в этой актерской игре не было ни единой фальшивой ноты.

— Сяо Ши, — ласково позвал он, направляясь к сыну, который стоял, опираясь на велосипед. Под прицелом камер он опустил руку на плечо Чжоу Ши и срывающимся голосом прошептал: — Сынок, как же ты мог не сказать отцу, что случилось такое?! Ты всегда был таким храбрым, но если бы с тобой что-то случилось, ты бы просто убил меня! Я ведь с детства учил тебя, что физические недостатки — это не страшно, главное — быть добрым и храбрым, чтобы стать героем для себя и других. Дай я посмотрю, ты не ранен?

Сказав это, Чжоу Чжимин незаметно повернулся в сторону Ло Шэнцзе, чтобы тот смог запечатлеть его покрасневшие от слез глаза и искреннее выражение лица.

Чжоу Ши с каменным лицом наблюдал за этой сценой. Он не собирался подыгрывать, но и разоблачать отца не стал.

В слепящем свете вспышек Чжоу Ши подумал, что отец — талантливый актер. Журналистика — пустая трата его способностей; если бы он пошел в кино, то быстро добился бы успеха и, возможно, даже претендовал бы на премию Золотая лошадь.

— О, а откуда у тебя этот шрам на лице? — Чжоу Чжимин потянулся к лицу сына, но отдернул руку, не дотронувшись до едва зажившей царапины. Он вытер угол глаза, из которого вот-вот должна была скатиться слеза, и задрожавшим голосом произнес: — Сяо Ши, это ты вчера, спасая человека, поранился? Ох, это все моя вина...

Чжоу Ши безучастно смотрел, как отец со слезами на глазах полностью погрузился в роль, и мысленно ответил ему: Нет, это шрам от осколка разбитого стакана, который ты швырнул в меня, когда злился.

Пока Чжоу Чжимин заканчивал свое представление, Чжоу Ши успел до последней буквы прочитать все мелкие объявления на ближайшем столбе.

В сумерках, когда солнце окончательно скрылось, журналисты вместе со своими вспышками покинули двор. Как только камеры исчезли, Чжоу Чжимин мгновенно преобразился.

Уличные фонари еще не зажглись. Он стоял к Чжоу Ши против света, и тень от столба ложилась на половину его лица, скрывая глаза в непроглядной черноте.

— Не смей болтать лишнего на людях, понял? — процедил он.

Чжоу Ши указал на свои губы, напоминая, что не может говорить, как обычные люди.

Чжоу Чжимин нахмурился:

— Не надо мне тут придуливаться. Ты понимаешь, о чем я. Я твой отец, просто слушайся меня.

Видя, что сын не кивает и не мотает головой, словно не слышит его, он пришел в ярость:

— Я с тобой разговариваю! Ты оглох, что ли?! — Выругавшись, он вспомнил, что у сына действительно проблемы со слухом, и не сдержал ругательства: — Батарейки в слуховом аппарате сели?! Не думай, что я не знаю, что ты читаешь по губам! Не прикидывайся глухим, когда не хочешь отвечать! Ты, выродок...

Как раз когда Чжоу Чжимин вошел в раж, вернулся Ло Шэнцзе. Он с улыбкой посмотрел на отца, чье лицо еще не успело принять подходящее выражение, и бодро произнес:

— Учитель Чжоу, память у меня дырявая, чуть не забыл забрать свое вознаграждение.

Произнося слово вознаграждение, Ло Шэнцзе не сводил глаз с лица Чжоу Ши. Заметив, как тот поморщился от его прямого, жадного взгляда, журналист облизнул пересохшие губы:

— Если время подходящее, я могу получить то, что мне причитается?

— Я оставил обещанное в сейфе в отеле ХХ, это недалеко, — Чжоу Чжимин внезапно выхватил руль велосипеда у Чжоу Ши и распорядился: — У меня еще дела, Чжоу Ши, сходи с ним. Как он подтвердит, что все на месте, можешь возвращаться.

В его словах было полно нестыковок, а в глазах читалось что-то странное, чему Чжоу Ши не мог подобрать определения. В голове у него мгновенно пронеслось шестнадцать сценариев того, что может произойти. Самым худшим был вариант, при котором Чжоу Чжимин через Ло Шэнцзе продает его органы на черном рынке: его опоят, усыпят, а затем вырежут все, что можно продать, бросив умирать в отеле.

В переулке не было фонарей, лишь слабые сумерки пробивались сквозь темноту, словно сквозь вуаль. Чжоу Ши сохранял предельную бдительность, составляя план побега.

Ло Шэнцзе, идущий рядом, казалось, готов был впиться в лицо Чжоу Ши глазами. Тот был именно в его вкусе: тонкие черты, холодная бледность кожи — словно изящный белый магнолиевый цветок, от одного взгляда на который у него чесались руки. Он был настолько опьянен предвкушением, что не удержался и засвистел, фантазируя о том, что произойдет в отеле.

Чжоу Ши не знал, что это просто признак хорошего настроения, и решил, что это сигнал сообщникам, скрывающимся в темноте. Чтобы защитить себя, он, не колеблясь, нанес Ло Шэнцзе резкий удар ребром ладони по шее, и тот мгновенно потерял сознание.

Раздался глухой стук тела о землю. Человек, собиравшийся свернуть в переулок, замер.

Чэнь Цзяньхэ случайно стал свидетелем того, как Чжоу Ши вырубил человека одним ударом. Когда их взгляды встретились, Чэнь Цзяньхэ от ужаса широко раскрыл глаза. Он закусил губу, сжал лямки рюкзака и, когда Чжоу Ши сделал шаг в его сторону, со всех ног бросился к ближайшему полицейскому участку.

<http://bllate.org/book/20953/2124464>